

ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЛЯ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е гг.

И. Т. Цориева

В статье рассматривается вопрос о подготовке специалистов высшей квалификации из представителей коренных народов автономных республик Северного Кавказа во второй половине 1940-х – 1950-е гг. Анализируются формы и методы работы различных уровней партийно-советской власти и системы образования в этом направлении в условиях послевоенного возрождения страны. Отмечается, что в национальных регионах в исследуемый период складывалась система льгот и поощрений, которая заметно облегчала представителям местных национальностей доступ в высшие учебные заведения не только внутри автономных республик, но и за их пределами. Реализация в 1950-е гг. программы целевого внеконкурсного приема в ведущие вузы страны имела важные социально-культурные и кадровые последствия. Она обеспечивала высокий образовательный, профессиональный уровень подготовки и открывала большие возможности для карьерного роста молодых специалистов. В целом проводимая образовательная политика позволила достаточно эффективно в масштабах страны использовать физический и интеллектуальный потенциал северокавказских народов в обеспечении отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы в кадрах специалистов высшей квалификации. Вместе с тем, она содействовала расширению интеллектуальной базы развития национальных автономий и обуславливала заметные сдвиги в социальной структуре общества. Складывавшаяся практика приоритетной подготовки национальных профессиональных кадров ускоряла подъем общего образовательного и культурного уровня коренного населения региона. Еще одним важным социально-политическим итогом деятельности органов власти в сфере образования являлось создание интеллектуального, профессионального слоя общества, который в своем абсолютном большинстве занимал традиционно лояльную позицию в отношении официальной власти и представлял устойчивую социальную базу для проведения социально-экономической и культурной политики в национальных автономиях.

Ключевые слова: Северный Кавказ, государственная образовательная политика, национальные автономии, национальные кадры специалистов, льготы, целевая подготовка.

Опыт двух десятилетий XXI в. в сфере подготовки национальных кадров специалистов в России свидетельствует о разнонаправленных и в существенной степени качественных изменениях в ней. На смену «комплексным» советским и продолжавшимся по инерции постсоветским планам 1990-х гг. с начала нового тысячелетия в прак-

тике подбора и обучения кадров вошли «рыночные» механизмы, которые значительно актуализировали проблемы качества подготовки и последующей востребованности специалистов. Мы являемся свидетелями предпринимаемых с 2010-х гг. попыток ориентировать в рамках федеральных национальных проектов и государственных программ

двух уровней (федеральных и республиканских) подготовку специалистов в регионах, в том числе на Северном Кавказе. В настоящее время большое внимание уделяется вопросам преодоления перекосов – избыточности выпуска специалистов одних направлений и дефицита других, востребованных при диверсификации экономики в условиях цифровизации и технологического переоснащения отраслей народного хозяйства на фоне объективного изменения всего социального ландшафта многонационального российского общества.

Принципиальное значение в подготовке специалистов имеет также эффективность функционирования в регионах «социальных лифтов» и многократно декларированных «равных стартовых возможностей». Это напрямую определяет уровень «утечки мозгов» не только за пределы отдельного субъекта Федерации, но и из профессии, из локальных производств обновляемой модели экономики, общественной жизни, которые рассматриваются как фундаментальные для развития региона.

В создавшихся условиях может сложиться мнение, что новый опыт 2000-х гг. в деле подготовки национальных кадров высшей квалификации для автономий Северного Кавказа, особенно в части разрешения проблем, предполагает поиск выходов лишь там, где уже преодолели эти «трудности роста». Однако российское общество уже убедилось на своей практике в неоднозначности заимствований без опоры на имеющийся исторический опыт, местные традиции и сложное социально-экономическое наследие. Руководствуясь этими соображениями, мы избрали предметом исследования процесс

подготовки высокопрофессиональных специалистов из коренных народов Северного Кавказа во второй половине 1940-х – 1950-е гг., исходя из его гносеологической связи с современной проблематикой. Связь устанавливается, например, через социологически внятно обозреваемую на протяжении более 150 лет проблему занятости на Северном Кавказе. Эта «сквозная», вне политических режимов тема, выразившаяся в широком распространении практики отходничества в регионе, остается и сегодня предметом серьезного внимания политиков, социологов, экономистов, демографов и конфликтологов. Но если при самодержавии отходничество воспринималось русской администрацией как средство, смягчавшее социальное напряжение в обществе, то советская система управления была нацелена на активное использование физического и интеллектуального потенциала народов в ходе социалистического строительства. Практика отходничества сохранялась, но одновременно, при всех известных издержках, осуществлялась государственная поддержка всего талантливого, способствующего подъему регионов, в том числе в форме коренизации кадров, целевой подготовки и распределения высококвалифицированных специалистов на основе государственного планирования.

Актуальность представленной темы определяется необходимостью освоения советского опыта подготовки специалистов из представителей коренных малочисленных народов. Безусловно, этот опыт является частью мирового опыта, востребованного сегодня в хозяйственном и социальном строительстве российских регионов. Важно подчеркнуть, что он ценен методологи-

ей подхода к задаче. В нем прослеживается структурная взаимосвязь с общественными процессами, с комплексом научно-технических и экономических проблем рассматриваемого времени.

Цель предпринятого исследования состоит в анализе форм и методов работы различных уровней государственной власти и системы образования в решении вопроса подготовки профессиональных кадров высшей квалификации из представителей местных народностей Северного Кавказа в условиях послевоенного возрождения. Отчасти в тематическом и хронологическом разрезе обозначенная проблема получила освещение в региональной советской и постсоветской историографии в контексте изучения вопросов национально-культурного строительства на Северном Кавказе [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В то же время, видится вполне обоснованным высказываемое в историческом кавказоведении мнение о «фрагментарности» и неравномерности в исследовании различных аспектов истории подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе из представителей коренных национальностей [7, 203].

Между тем, проблема формирования национальных кадров специалистов заслуживает сегодня более основательной разработки. Причем интерес к теме обусловлен не только уникальными результатами восстановления и развития кадрового потенциала важнейших отраслей народного хозяйства за короткий срок в условиях тяжелой послевоенной повседневности. Важным результатом этой работы было восстановление инфраструктуры бывших оккупированных территорий региона, активное участие в общегосударственных проектах оборонного

значения, дальнейший подъем культурного и образовательного уровня населения. В прикладном смысле освоение данного опыта в настоящее время важно в условиях, когда в кадровом строительстве на Северном Кавказе преодолевается разрушительный постсоветский кризис.

Точкой отсчета для анализа состояния национальных кадров специалистов Северного Кавказа является окончание Великой Отечественной войны. Статистика показала безвозвратную потерю десятков тысяч квалифицированных работников, прошедших предвоенную школу индустриализации и культурной революции. Разруха, громадные проблемы перевода всей жизни на мирные рельсы с одновременным учетом внешнеполитической ситуации после применения США атомного оружия против Японии, ставшего сигналом для начала «холодной войны» против СССР, выдвинули в сфере государственной кадровой политики разнохарактерные, подчас взаимоисключающие задачи. Объем, масштабы этих задач свидетельствовали о необходимости расширения системы подготовки новых национальных кадров, причем в условиях, заметно отличавшихся от 1920-1930-х гг., когда многие зарубежные специалисты участвовали в форсированной индустриализации страны, содействовали в подготовке профессиональных кадров. В послевоенный период между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции и СССР опустился «железный занавес», оказавшийся заслоном и в сфере подготовки квалифицированных кадров.

Руководство страны в кратчайшие сроки сумело проанализировать обстановку, возможности и потребности,

ставшие основой ряда директивных решений высших органов власти [8, 505; 9, 147-151, 243-247]. В них предусматривалось расширение, в том числе, в национальных регионах системы подготовки специалистов для народного хозяйства, науки и культуры из представителей коренных малочисленных народов. В соответствии с этой программой со второй половины 1940-х гг. при формировании контингента учащихся высших и средних специальных учебных заведений в автономных областях и республиках Северного Кавказа предпочтение стали отдавать представителям местной молодежи и участникам войны.

Организационное решение намеченного курса столкнулось с объективно сложившимся к тому времени положением в региональной системе образования. Оно заключалось, в частности, в наличии существенной разности научно-педагогического и материально-технического потенциала субъектов региона. Сформировавшаяся в 1920-1930-е гг. вузовская сеть определяла неравные стартовые возможности автономных республик Северного Кавказа в подготовке кадров специалистов высшей квалификации. В преимущественном положении в этом отношении находились Северо-Осетинская и Дагестанская АССР. Накануне войны и в первые послевоенные годы крупнейшим среди педагогических вузов в северокавказском регионе являлся Северо-Осетинский государственный педагогический институт. В 1940 г. на пяти факультетах СОГПИ обучалось более 2 тыс. человек, представителей 28 национальностей, в том числе из молодежи северокавказских народов. Помимо этого в республике действовали горно-метал-

лургический, медицинский и сельскохозяйственный институты. В 1940/41 учебном году в вузах республики насчитывалось 3226 студентов, из них 1392 – коренной национальности [10, 213, 217]. В Дагестанской АССР работали медицинский, сельскохозяйственный, педагогический и два учительских института (один из них женский). На начало 1940/41 учебного года в них обучалось 2,4 тыс. студентов [11, 197]. В Чечено-Ингушской АССР накануне войны помимо пединститута подготовкой кадров занимался Грозненский нефтяной институт, созданный в 1929 г. [12, 211] Педагогический институт работал в Кабардино-Балкарской АССР. Совершенно очевидно, что показатели профессиональной подготовки специалистов с высшим образованием, в том числе представителей коренной национальности, и, соответственно, их доля в социальной структуре общества были выше в Дагестане и Северной Осетии, чем у их соседей.

Подобная ситуация сохранялась и в послевоенный период. Имеющиеся статистические данные позволяют проследить устойчивую динамику роста численности осетин среди учащихся высших и средних специальных заведений в Северной Осетии. За двенадцать послевоенных лет количество обучавшихся в институтах, техникумах и училищах увеличилось с 2043 до 3891 человека, в 1,9 раза. Еще более быстрыми темпами росла их численность в вузах республики. В 1957 г. в них обучались 2482 осетина, в 2 раза больше, чем в 1945 г. [13, 120-121].

Высоким уровнем вовлечения представителей местных национальностей характеризовались высшие учебные заведения Дагестанской АССР. В 1948 г.

численность студентов из дагестанских народностей в вузах республики достигла 35%; при этом среди студентов вузов девушки-горянки составляли 13%. Самой высокой была доля местных народностей в учебных заведениях педагогического профиля. Более 200 девушек-дагестанок обучалось в Дагестанском женском учительском институте. В Педагогическом институте в 1950 г. представители коренных национальностей составляли более 50% студентов. В 1957 г. Дагестанский пединститут был преобразован в университет. К этому времени вуз подготовил уже около четырех тысяч учителей из представителей местных национальностей. Две с половиной тысячи из них были представителями местных народностей [2, 249; 14, 353-354].

Значительно ниже показатели подготовки национальных кадров были по учреждениям высшего специального образования в других северокавказских автономиях. Например, в 1948 г. из 599 студентов Кабардинского педагогического института только 10% были кабардинцами. На «недостатки и ошибки», которые, по мнению руководства страны, имелись в работе республиканских партийно-советских органов в области подготовки кадров, указывалось в постановлении ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1948 г. «О работе Кабардинского обкома ВКП (б)». В ответ на постановление ЦК ВКП (б) был созван IV пленум Кабардинского обкома партии. Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на пленуме, было состояние системы высшего образования в республике, в том числе, подготовка, воспитание и выдвижение кадров из коренных национальностей. Одновременно реализовывалось принятое еще в 1945 г. реше-

ние обкома ВКП (б) об открытии при Кабардинском пединституте курсов по подготовке молодежи из коренной национальности для поступления в местный и другие вузы страны [7, 205-206].

В результате принимаемых мер с 1948 по 1950 г. численность обучавшихся в пединституте кабардинцев увеличилась более чем в четыре раза. На наш взгляд, результат весьма впечатляющий, если учесть, что за это время общее число студентов выросло лишь на 35% [15, 314, 316]. В последующие годы отмеченная тенденция сохранялась. В 1955/56 учебном году в Кабардинском пединституте среди 1335 студентов насчитывалось 482 кабардинца (36, 1%). В том же году институт выпустил 84 кабардинца (40,2% всех выпускников) с дипломами по разным специальностям [7, 206]. С получением в 1957 г. статуса университета возможности вуза в подготовке специалистов высшей квалификации из представителей титульных народов Кабардино-Балкарии заметно расширились.

Однако низкие стартовые показатели не позволяли быстро нарастить кадровый потенциал. Сравнительный анализ имеющихся данных позволяет увидеть, что еще и в середине 1950-х гг. численность дипломированных учителей, инженеров, врачей, специалистов сельскохозяйственного профиля среди кабардинцев, к примеру, была на порядок ниже, чем среди осетин [16, 46].

Тем не менее, целенаправленная государственная политика по привлечению представителей коренных национальностей в вузы давала положительные результаты. Отмена платы за обучение в 1957 г., обеспечение льгот при организации приемных экзаменов, увеличение в вузах количества мест, це-

левым образом выделяемых для национальной молодежи, способствовали росту их численности среди студенчества. Одним из позитивных последствий увеличения темпов подготовки высшей школой национальных квалифицированных кадров являлась более высокая вероятность закрепления их в республиках и областях Северного Кавказа, в том числе в сельских районах, куда многие направлялись после окончания вуза. Поскольку приехавшие по распределению из других регионов страны молодые специалисты, не знавшие языка, обычаев и традиций местных народов, с трудом осваивались в непривычных условиях и, как правило, вскоре уезжали назад [6, 161].

Во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. важным направлением национально-государственной образовательной политики являлось восстановление сложившихся в 1920-1930-е гг., но прерванных войной, связей между республиками, областями Северного Кавказа и ведущими научными центрами и вузами страны. В первые послевоенные годы поступление национальной молодежи в вузы Москвы, Ленинграда, Ростова, Баку практически прекратилось. Это объяснялось не только материальной несостоятельностью, неспособностью платить за обучение, необеспеченностью общежитиями, но и тем, что большинство поступавших из-за низкого уровня подготовки «проваливались» на вступительных экзаменах. Подлинным испытанием для абитуриентов из всех национальных регионов страны, в том числе из Северного Кавказа, было плохое знание русского языка. Поэтому правительством было принято решение о введении практи-

ки целевого льготного приема для них.

В конце 1940-х гг. в перечне вузов для поступления абитуриентов из северокавказских республик и областей значились Московский и Ленинградский госуниверситеты, Московское высшее техническое училище им. Баумана, Московский инженерно-строительный, электромеханический, энергетический, гидромелиоративный, нефтяной и другие институты [17, 84; 18, 48-49]. Для того, чтобы облегчить национальной молодежи прохождение вступительных испытаний в ведущие вузы страны, Советское правительство в 1948 г. приняло решение об организации комиссий по приему вступительных экзаменов при ряде вузов национальных автономий. Выдержавшие экзамены с оценкой не ниже «хорошо» получали право внеконкурсного зачисления.

В итоге, принятие целевой программы подготовки специалистов в 1950-е гг. открыло сотням молодых людей из республик и областей Северного Кавказа возможность поступать на внеконкурсной основе в ведущие вузы страны. Здесь они приобретали специальности, востребованные в различных отраслях народного хозяйства страны. Преимущества учебы в центральных вузах были налицо. Они обеспечивали не только высокий образовательный, профессиональный и культурный уровень специалистов. Диплом престижного учебного заведения давал определенные преференции, служил важным подспорьем в карьерном росте молодого человека. Поэтому неудивительно, что негласно преимущественное право льготного поступления в вузы обычно получали дети национальной партийно-советской номенклатуры.

Следует отметить, что практика це-

левого, внеконкурсного приема студентов из национальных регионов СССР в ведущие вузы страны сохранялась на протяжении всего советского периода. Вместе с тем, по мере укрепления материально-технической и учебной базы, повышения кадрового потенциала, открытия новых специализаций и увеличения планов приема возможности и, соответственно, авторитет вузов республик Северного Кавказа как высших специальных образовательных учреждений росли. В них постепенно наращивались объемы подготовки квалифицированных специалистов по многим направлениям гуманитарного, естественно-технического и сельскохозяйственного профиля не только для предприятий, учреждений и организаций национальных автономий Северного Кавказа. Одновременно готовились кадры учителей, врачей, агрономов, инженеров горного дела, нефтяников и других специалистов для многих регионов страны. В 1950-е гг. в Дагестанском и Кабардино-Балкарском университетах, в Горском сельскохозяйственном, Северо-Кавказском горно-металлургическом, Северо-Осетинском медицинском, Грозненском нефтяном институтах обучались сотни молодых людей из других республик, краев и областей Северного Кавказа, из Закавказья, Средней Азии, Украины, Белоруссии, Казахстана. Многие выпускники северокавказских вузов по распределению направлялись в центральные регионы России, на Крайний Север, Дальний Восток [2, 265]. Этот политический курс обеспечивал более активное вовлечение интеллектуального и творческого потенциала малочисленных народов в решение задач социально-экономического и культурного развития страны,

выполнял политико-идеологическую задачу формирования интернационалистского сознания в многонациональном советском социуме.

Позитивные сдвиги в развитии системы высшего образования в регионе к началу 1960-х гг. позволили руководству ряда республик (в частности, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР) снизить запрос на внеконкурсные места в ведущие вузы страны. Исключение составляли только высшие учебные заведения, готовившие высококвалифицированные кадры творческих профессий: музыкантов, художников, театральных деятелей и др. [19, 31].

В целом послевоенное десятилетие отмечено существенными успехами в формировании национальных отрядов художественной интеллигенции Северного Кавказа. При ведущих театральных вузах и консерваториях страны создавались национальные студии для подготовки кадров высшей квалификации. Так, в 1946 г. при Ленинградской государственной консерватории была открыта кабардинская оперная студия. Ее выпускники, принятые в коллективы учреждений искусств республики, внесли большой вклад в развитие национального профессионального искусства. Профессиональные кадры исполнителей для будущего Северо-Осетинского музыкального театра готовили в оперной студии при Московской консерватории и осетинском балетном отделении при Ленинградском хореографическом училище. Многие известные певцы, композиторы Северного Кавказа (И. Баталбекова, Д. Билагонова, И. Габараев, Н. Дагиров, М. Кажлаев, Х. Плиев, И. Шериева и др.) окончили Московскую, Ленинградскую, Бакинскую, Тбилисскую, Ереванскую консер-

ватории. В специализированных учебных заведениях готовились кадры профессиональных художников: живописцев, скульпторов, графиков. Среди них А. Джанаев, М. Джемал, Ю. Дзантиев, Ю. Моллаев, А. Сарыджа, С. Тавасиев и др. Школу Литературного института имени А.М. Горького прошли многие северокавказские писатели: А. Абу-Бакар, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Р. Хубецова, М. Цагараев и др. [2, 222-223, 267; 20, 424]

Таким образом, одним из основных направлений государственной образовательной политики во второй половине 1940-х – 1950-е гг. стала ускоренная подготовка специалистов высшей квалификации из представителей коренных национальностей СССР, в том числе Северного Кавказа. Сложившаяся в сфере профессионального образования система льгот и поощрений для коренных малочисленных народов позволяла обеспечить потребности отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы страны в

высококвалифицированных специалистах в послевоенные годы. В результате количественного и профессионального роста национальных кадров специалистов расширилась интеллектуальная база социально-экономического развития северокавказских автономий, произошли существенные изменения в социальной структуре общества. Практика приоритетной подготовки таких кадров ускорила также подъем общего образовательного и культурного уровня коренного населения региона. Наконец, важным социально-политическим итогом этой политики стало создание интеллектуального, профессионального слоя общества, который в своем абсолютном большинстве занимал лояльную позицию в отношении советской власти и составлял устойчивую социальную базу для проведения долговременной социально-экономической и культурной политики в национальных республиках и областях Северного Кавказа [6, 164].

-
1. Джамбулатова З. К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный, 1974.
  2. Мамбетов Г. Х, Хутуев Х. И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.
  3. Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988.
  4. Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. Нальчик, 2003.
  5. Мамсиоров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2008.
  6. Цориева И. Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-1950-х гг. // Преподаватель XXI век. 2010. Вып. 3. Ч. 1. С. 158-164.
  7. Ошроев Р. Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального

образования Кабардино-Балкарии как ключевого фактора формирования человеческого капитала // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 6 (92). С. 203-213.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.

10. Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе, 1974. Т. 1.

11. Мирзабеков М. Я. Культурное развитие Дагестана в 1920-1930-е годы // Культура и власть в СССР 1920-1950-е годы: Материалы IX Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г.). М., 2017. С. 193-199.

12. Ибрагимов М. М., Нуридова А. Х. Грозненский нефтяной институт как ведущий научный центр Северного Кавказа (1960-1980-е гг.) // Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. С. 210-223.

13. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР: Стат. сборник. Орджоникидзе, 1958.

14. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 2005. Т. 2.

15. История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х тт. / Гл. ред. Т. Х. Кумыков. М., 1967. Т. 2.

16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 566. Оп. 16. Д. 2.

17. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 1. Оп. 6. Д. 369.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 241.

19. РГАСПИ. Ф. 566. Оп. 15. Д. 41.

20. История Северной Осетии. XX век / Гл. ред. А. С. Дзасохов. М., 2003.

Tsorieva, Inga T. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); tsorin@mail.ru

TRAINING NATIONAL STAFF OF HIGHER QUALIFICATIONS FOR THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 1940-s AND IN THE 1950-s

Keywords: *North Caucasus, state educational policy, national autonomies, national highly qualified personnel of specialists, preferences, targeted training.*

The article is devoted to the issue of training highly qualified specialists from representatives of the indigenous peoples of the autonomous republics of the North Caucasus in the second half of the 1940s – 1950s. The forms and methods of work of various levels of party and state authorities and the education system in this direction in the conditions of the post-war revival of the country are analyzed. It is noted that in the national regions during the

study period, a system of benefits and incentives was formed, which significantly facilitated access to higher educational institutions for representatives of local nationalities not only within the autonomous republics, but also outside them. The implementation of the program of targeted out-of-competition admission to the country's leading universities in the 1950s had important socio-cultural and personnel consequences. It provided a high educational, professional level of training and opened up great career opportunities for young professionals. In general, the educational policy made it possible to use the physical and intellectual potential of peoples quite effectively on a national scale in providing the national economy and the socio-cultural sphere with highly qualified specialists. At the same time, it contributed to the expansion of the intellectual base for the development of the national autonomies of the North Caucasus and caused noticeable shifts in the social structure of society. The practice of priority training of national professional personnel accelerated the rise of the general educational and cultural level of the indigenous population of the republics and regions of the region. Another important socio-political result of the activities of the authorities in the field of education was the creation of an intellectual, professional stratum of society, which in its absolute majority held a traditionally loyal position in relation to the official government and represented a stable social base for pursuing a long-term socio-economic and cultural policy in national autonomies.

REFERENCES

1. Dzhambulatova, Z.K. *Kul'turnoye stroitel'stvo v sovetskoj Checheno-Ingushetii (1920-1940)* [Cultural construction in the Soviet Chechen-Ingushetia (1920-1940)]. Grozny, Chech.-Ingush. kn. izd-vo, 1974. 235 p.
2. Mambetov, G. Kh, Khutuev Kh. I. *Bratskaya pomoshch' russkogo naroda i drugikh narodov SSSR v razvitanii kul'tury Kabardino-Balkarii* [Fraternal help of the Russian people and other peoples of the USSR in the development of the culture of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Elbrus, 1984. 192 p.
3. Kaimarazov, G.Sh. *Formirovaniye sotsialisticheskoi intelligentsii na Severnom Kavkaze* [Formation of the socialist intelligentsia in the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1988. 441 p.
4. Gerandokov, M. Kh, Gerandokova, V.Z. *Kul'turnaya revolyutsiya v natsional'nykh regionakh: mif ili real'nost'* [Cultural Revolution in National Regions: Myth or Reality]. Nalchik, El' – Fa, 2003. 199 p.
5. Mamsirov, Kh.B. *Modernizatsiya kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gody XX veka* [Modernization of the cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the XX century]. Nalchik, El'brus, 2008. 328 p.
6. Tsorieva, I. T. *O probleme podgotovki natsional'nykh kadrov spetsialistov na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine 1940-1950-kh gg.* [On the problem of training national specialists in the North Caucasus in the second half of the 1940-1950s]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century]. 2010, iss. 3, part 1, pp. 158-164.
7. Oshroev, R.G. *Istoricheskie tendentsii razvitiya vysshego professional'nogo obrazovaniya Kabardino-Balkarii kak klyuchevogo faktora formirovaniya chelovecheskogo kapitala* [Historical trends in the development of higher professional education in Kabardino-Balkaria as a key factor in the formation of human capital]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of RAS]. 2019, no. 6 (92), pp. 203-213.

8. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 7. 574 p.
9. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 8. 542 p.
10. Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoi Osetii. Sbornik dokumentov i materialov. V 2-kh tt. [Cultural construction in North Ossetia. Collection of documents and materials. In 2 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1974, vol. 1. 546 p.
11. Mirzabekov, M. Ya. Kul'turnoe razvitie Dagestana v 1920-1930-e gody [Cultural development of Dagestan in the 1920-1930s]. *Kul'tura i vlast' v SSSR 1920-1950-e gody. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24-26 oktyabrya 2016 g.* [Culture and Power in the 1920-1950s USSR. Proceedings of the IX International Scientific Conference, St. Petersburg, October 24-26, 2016]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, 2017, pp. 193-199.
12. Ibragimov, M. M., Nuridova, A. Kh. Groznenskii neftyanoi institut kak vedushchii nauchnyi tsentr Severnogo Kavkaza (1960-1980-e gg.) [Grozny Oil Institute as the Leading Scientific Centre of the North Caucasus (1960-1980s)]. *Groznyi: istoriya i sovremennost'. Istoriko-etnograficheskii sbornik, posvyashchennyi 200-letiyu osnovaniya g. Groznogo* [Grozny: History and Modernity. Historical and ethnographic collection dedicated to the 200th anniversary of the founding of Grozny]. Grozny, Academy of Sciences of the Chechen Republic, 2017, pp. 210-223.
13. Narodnoe khozyaistvo Severo-Osetinskoj ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the North Ossetian ASSR. Statistical collection]. Ordzhonikidze, Gosizdat, Rostovskoe otdelenie, 1958. 136 p.
14. Osmanov, A. I. (ed.). *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of Dagestan from ancient times to the present day]. Makhachkala, Yupiter, 2005, vol. 2. 664 p.
15. Kумыков, Т. Кх. (ch. ed.). *Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR. V 2-kh tt.* [History of the Kabardino-Balkarian ASSR. In 2 vols.]. Moscow, Nauka, 1967, vol. 2. 439 p.
16. Rossiyskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. Fund 566. Inventory 16. Case 2.
17. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [State Archive of Contemporary History of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 1. Inventory 6. Case 369.
18. RGASPI [RSASPH]. Fund 17. Inventory 133. Case 241.
19. RGASPI [RSASPH]. Fund 566. Inventory 15. Case 41.
20. Dzasokhov, A. S. (ch. ed.). *Istoriya Severnoi Osetii. XX vek* [History of North Ossetia. XX century]. Moscow, Nauka, 2003. 632 p.